

**К 10-летию юбилею
кафедры прикладного анализа МГИМО**

ТАТЬЯНА ШАКЛЕИНА

**«МЫ СОХРАНИЛИ
ШКОЛУ И ТРАДИЦИИ...»**

Татьяна Алексеевна Шаклеина – продолжатель блестящей плеяды отечественных американистов. Проработав более 30 лет в одном из ведущих «мозговых центров» мирового уровня – в Институте США и Канады АН СССР, она внесла заметный вклад в изучение внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов, российско-американских отношений, общественного мнения и деятельности средств массовой информации, ведущих «мозговых центров» США. Интерес Т.А. Шаклеиной к изучению американской истории и литературы сформировался уже в школьные годы, что повлияло на ее решение поступить в Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза, который она окончила с отличием, специализируясь на истории Соединенных Штатов.

Предметом кандидатской диссертации, подготовленной в ИСКАНе, стал всесторонний анализ деятельности американской прессы, проблема контроля правительственной информации (цензура), влияние политики администраций в этой сфере на принятие ключевых внешнеполитических решений, включая отношения с Советским Союзом. Позднее в фокусе ее исследований оказались

крупнейшие американские «мозговые центры», которые обеспечивали концептуальную базу международной деятельности США. Политико-академическое сообщество и его работа по формированию и реализации стратегии Вашингтона стали объектом исследования в докторской диссертации «Концепции внешней политики США после окончания холодной войны» (2003). Этому предшествовал период интенсивной работы как в России, так и в США, где Т.А. Шаклеина проводила научные исследования в ведущих университетах – Джорджтаунском и Джонса Гопкинса (Школа перспективных международных исследований), сотрудничала с экспертами ведущих «мозговых центров» (Институт Брукингса, Центр стратегических и международных исследований, Совет по международным делам, Фонд Карнеги за международный мир и др.).

В беседах с выдающимся американским ученым Дж. Д. Сингером родилась идея проведения сравнительного анализа позиций российской и американской внешнеполитической элиты. Результат этого исследования стал основой двух книг – «Российская внешнеполитическая мысль: в поисках национальной стратегии» (1997) и «Россия и США в

новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002)» (2002). С этого времени тема мирового порядка стала ведущей в исследованиях проф. Т.А. Шаклеиной. В 2006 г. ее вклад в отечественную науку по международным отношениям был оценен Премией им. Е. Тарле Российской академии наук.

Профессиональный путь Татьяны Алексеевны связан с сопряжением традиций академической и университетской науки. В начале 2000-х годов начинается история взаимодействия Т.А. Шаклеиной с МГИМО, которая в перспективе приведет ее к работе в Университете. Когда в 2006 г. в МГИМО была создана Кафедра прикладного анализа международных проблем (ПАМП), у истоков которой стояли профессор МГИМО А.Д. Богатуров и М.А. Хрусталева. Т.А. Шаклеина стала членом команды единомышленников, стремившихся поднять на новый уровень подготовку экспертов-международников, владеющих всеми навыками проведения высококвалифицированного анализа любых внешнеполитических ситуаций. Это был нелегкий, но интересный период, когда нужно было создавать новые курсы, менять методики, пробовать разные подходы. Кафедра была призвана сохранить и приумножить традиции советской, а затем и российской школы международно-политических исследований, ориентированных на непосредственную практическую отдачу. Т.А. Шаклеина стала заведующей Кафедрой ПАМП в 2007 г. и продолжила процесс учебно-методического и научного наполнения ее деятельности. За 10 лет существования кафедры были разработаны более 30 курсов на русском и около 10 на английском языках, было опубликовано более 25 монографий и 12 учебников и учебных пособий. В феврале 2016 г. Кафедре исполнилось 10 лет.

5 февраля, в день юбилея кафедры прикладного анализа международных проблем, Татьяна Алексеевна ответила на вопросы редакции журнала.

М.П. Татьяна Алексеевна, большую часть карьеры Вы проработали в Институте США и Канады Академии наук, возглавляли Отдел внешнеполитических исследований.

Скажите, пожалуйста, как вы пришли в академические исследования, почему вы выбрали именно это направление?

Т.Ш. Меня всегда привлекала аналитическая деятельность. Когда я поступила в вуз, я очень хотела быть исследователем, и это я знала точно. В Институте иностранных языков моей специализацией стали Соединенные Штаты: история США, литература, но не внешняя политика. Изначально у меня был выбор между востоковедением и американистикой, потому что родители были связаны с Индией и Пакистаном. Мне хотелось заниматься этими странами, но так сложилась судьба, что я по совету родителей и их друзей-специалистов, решила поступать «на западное направление».

Я начала заниматься Великобританией и Америкой – когда изучала историю и литературу, но меня все больше привлекала именно американская история. И не только история. Меня уже немножко «повело» в сторону политических вопросов. Я стала предметно изучать систему образования Соединенных Штатов. А затем меня заинтересовал именно политический компонент образовательных программ в средней школе, и я написала на эту тему диплом. Так я стала приближаться к политологии интуитивно. Меня никто не направлял, не давил на меня, всё шло органично и естественно.

К моменту окончания вуза я знала, что недавно создали Институт США и Канады. Это был совсем молодой исследовательский центр, он набирал кадры, и мне повезло поступить в него на работу. В Институте создавался сектор общественного мнения, и на должность руководителя был приглашен Эдуард Александрович Иванян, который только что вернулся из зарубежной поездки, долго работал в Европе и США. Мы с ним проработали более 30 лет. В то же время, когда я пришла со своей темой образования, выяснилось, что писать по ней непросто – она носила межведомственный характер: столкнулись интересы и требования Министерства образования и Академии наук. В результа-

те Эдуард Александрович предложил мне заняться деятельностью американских СМИ, тем, как они влияют на общественное мнение, как организуют информационные кампании. В процессе научной работы высветилось важное направление: контроль над правительственной информацией в США. Так, темой для диссертации стал уже правительственный контроль над распространением информации, в том числе реализация положений конституции о Свободе слова и печати. Я проанализировала всю историю американской цензуры (про которую говорят, что ее в США нет, хотя на самом деле она существует): как принимался Билль о правах, как принимались все знаменитые поправки к Конституции и во что это все вылилось в 1970-х – 1980-х годах.

М.П. При упоминании Института США и Канады многие бывшие сотрудники вспоминают замечательную атмосферу, которая сложилась в этом учреждении. Какой Вам запомнилась работа в Институте?

Т.Ш. Работать в Институте было очень интересно и комфортно. Мне нравились все темы, которыми мы занимались, мне нравились люди, которые туда приходили. Была очень творческая атмосфера, и очень дружелюбная. Мы жили как одна семья. У нас был не просто сектор, это было маленькое сообщество. Вообще институт – высочайший образец «мозгового центра», в котором помимо чисто профессиональных отношений существовали очень тесные личностные отношения, поскольку многие люди знали друг друга по своей предыдущей карьере, в основном дипломатической. И царил атмосфера, созданная Георгием Аркадьевичем Арбатовым, – очень открытая, творческая, свободная и инновационная, потому что институт тогда предлагал новые, «прорывные» идеи и концепции по изучению международных отношений и отдельных стран. В Институте была одна из самых богатых (по сравнению с другими академическими институтами) библиотека по американистике на иностранных языках.

Институт США и Канады – это такая светлая память. Даже сейчас, когда встречаешь в Америке тех, кто работал с ним, все обязательно о нем спрашивают. Когда был жив Георгий Аркадьевич, обязательно спрашивались о его здоровье, о коллегах, с которыми работали в годы «холодной войны», то есть в памяти американских международных это учреждение сохранилось как «мозговой центр» мирового уровня. Все, кто работал в Институте США и Канады начиная с академика Г.А. Арбатова и включая всех руководящих работников департаментов, отделов, секторов, создали мощную школу американистики. Изучались все стороны жизнедеятельности Соединенных Штатов – от культуры, общественного мнения до обороны, космической промышленности и аспектов, связанных с национальной безопасностью.

Работать было очень интересно – это была колоссальная школа. Сейчас молодые специалисты-международники быстро, во многом благодаря подготовке в университетах (например, в МГИМО), становятся специалистами с неплохими аналитическими навыками, и они довольно рано начинают писать в ведущие средства массовой информации и выступать на телевидении, работать на правительственные структуры.

Тогда все было по-другому. Аналитик продвигался по лестнице снизу вверх очень медленно начиная со стажера-исследователя, младшего научного сотрудника до высот квалифицированного специалиста, и учились мы не столько в классе, сколько в жизни. Учились у наших старших товарищей: мы их слушали, писали для них аналитические обзоры, просматривали пыльные журналы за 10–20–25 лет. Мне было нелегко работать. Я шла по своей карьере медленно. То, чему я научилась у Георгия Аркадьевича Арбатова, Эдуарда Александровича Иваняна, Эдуарда Яковлевича Баталова, Юрия Александровича Замошкина и других коллег, проросло спустя годы.

Это как выращивать растение. Оно формируется медленно, не сразу, и потом, вдруг, начинается бурный рост. Всё, что я

впитала за годы стажерства, младшего научного сотрудника, проросло впоследствии и облегчило мне работу. Это был мощный интеллектуальный толчок, который меня наполнил, и я совсем по-другому стала смотреть на научную работу, на свои произведения, на людей. Конечно, сейчас время другое — все идет гораздо быстрее — мы не можем себе позволить готовить аналитика 10–15 лет, но в свое время именно такие специалисты составляли основу классического «мозгового центра». Это определяло качество сотрудников и качество самого центра. Сегодня не всегда быстрый рост способствует перерастанию в высокое качество. Все-таки время требуется, его невозможно перешагнуть.

В этой связи, когда мы сейчас вспоминаем классические советские «мозговые центры» (Институт США и Канады, ИМЭМО и многие другие) — это были высококлассные исследовательские структуры, которые работали и на внутреннюю, и на внешнюю политику огромного государства. К сожалению, школа понесла серьезные потери, но она не пропала. Преимущество России состоит в том, что, несмотря на все трудности, мы сохранили научные школы. То, что существует до сих пор Институт США и Канады и ИМЭМО, что в МГИМО мощно развиваются американистика и международные исследования — стало возможным благодаря тому, что были созданы научные школы, что даже невзгоды, которые свалились на нас, не смогли их разрушить.

Наверное, это одна из важнейших черт Российской Федерации, которая сохраняет характеристики ведущей мировой державы. И в Индии, и в Бразилии, и во многих других странах откровенно признают, что у них такой школы нет. Для них это колоссальная задача на будущее. И для того, чтобы войти в мировую политику весомым игроком в качестве ведущей международной державы, надо иметь очень хорошее научное обеспечение внешней политики, а для этого надо иметь научно-исследовательские центры и специалистов высокого класса.

М.П. *В ходе работы Вы много занимались исследованиями российско-американских отношений, внешней политики США. Насколько, по Вашему мнению, изменился уровень понимания Соединенных Штатов у нас в стране за годы Вашей работы? Америка сегодня входит в жизнь россиян через фильмы, музыку, сериалы, Интернет, но пополнились ли знания о внешнеполитической жизни США, выросло ли понимание?*

Т.Ш. На этот вопрос ответить трудно. Для того чтобы дать полный ответ, нужно провести исследования. Если же отвечать без сравнительного анализа, я уже говорила — сейчас объем знаний увеличивается. В наше время было очень мало поездок в США, в основном у нас была печатная продукция. Не было ни компьютера, ни Интернета, было меньше источников информации. Сейчас ты получаешь сведения ежесекундно, с картинками. Ты вживую можешь наблюдать за тем, что происходит. Все «мозговые центры» размещают информацию о своих мероприятиях в реальном времени в Интернет. Тем не менее, чтобы эту информацию понять, разобраться, нужно обладать способностями сравнить, сопоставить, оценить.

Когда возможности для посещения Соединенных Штатов для проведения научной работы, да и для ознакомления со страной, были ограничены (я побывала там впервые в 1979 г. с выставкой «Советская женщина», а затем уже только в 1991 г.), они многим представлялись красивой страной, несбыточной мечтой, которую хотелось увидеть. После того как границы открылись (я разговаривала со многими из тех, кто по туристической поездке поехал или на стажировку) впечатления оказались двоякими. У одних сохранилось такое же восторженное восприятие, но очень многие стали смотреть на Америку по-другому. Они увидели, что это замечательная страна, там много возможностей, но там есть и много трудностей и проблем, характерных для других стран. Но разобраться во всем и составить мнение, не говоря уже об аналитической работе, можно только после регулярного и длительного ознакомления и работы. После роспуска СССР в Россий-

ской Федерации мы стали жить совсем другой жизнью – появилась рыночная экономика и многое другое. Мы, если говорить о бытовом уровне, житейском, фактически получили то же самое, что есть и в Америке. Для многих людей не стало разницы на бытовом уровне, хотя не для всех, конечно. Образ США перестал быть сказочным, идеальным. Можно поехать во Францию, в Великобританию, в Индию, в Австралию, в Бразилию, и для кого-то эти страны стали более привлекательными, нежели Америка.

Если же говорить о профессионалах, то раньше было немного проще, поскольку информация была ограничена. Например, мы закупали литературу в Институт США и Канады не всю подряд, а старались ориентироваться на известные имена, авторитетные «мозговые центры», университеты. Литература отбиралась, поступало самое лучшее, что издавалось в Соединенных Штатах по интересующей нас проблематике. Таким образом, исследователь уже работал с опорой на высококласную информацию. Речь идет не о том, критиковали они нас или нет – это не имеет значения. Ты работал с высококласными мастерами-специалистами и на их материале. В результате твоя подготовка, твой запас были очень высокой пробы. Когда ты работал потом с газетами, с местной прессой, с другой информацией, тебе легко было в ней ориентироваться, ты мог оценивать и классифицировать. Аналитик точно знал направления, школы, партии, кто, что и как – это облегчало работу.

Сейчас на неподготовленный ум часто обрушивается поток просто ненаучной литературы. Человек «тонет» в ней. Не каждый может выбрать то, что нужно, ухватить самую суть происходящего. Например, выборы в США – часто это спектакль, картинка: флажки, шарики, плакаты, актеры, люди, толпы, телевидение. Наблюдая их ты можешь подумать, что это образец подлинной свободы выбора и демократии. Когда же начинаешь заниматься этими технологиями, видишь, что все совсем не то, чем кажется. Там действуют свои правила игры, и не всегда красивые.

Трудно сказать, что стало лучше или хуже, но появилось много специалистов, которые говорят на все темы. Я отказываюсь говорить о политике Соединенных Штатов, например в Сирии, на Ближнем Востоке. Я не знаю этого региона. Можно сказать какие-то общие вещи про стратегию США, но нужна ведь конкретика. Необходимо быть подготовленным.

Раньше к этому относились очень серьезно. Мы не брали на себя лишнее, понимали, что мы не имеем права говорить на все темы, мы должны отвечать на те вопросы, которые мы знаем досконально. Если же мы даем комментарий, это должна быть весомая, аргументированная оценка, на которую можно опереться в дальнейшей работе. А сейчас что? Мы проводили исследование в 2006 г. с профессором Университета Джонса Гопкинса Брюсом Пэрротом относительно состояния исследований по России в США и по США в России. В итоге пришли к выводу, что общее качество упало и появились «говорящие головы», которые комментируют все понемногу, тем самым снижая общий уровень экспертных оценок. Появилось много исследовательских центров, которые не отвечают стандарту крупного высококласного «мозгового центра», такого, как Институт Брукинса, Институт США и Канады, ИМЭМО, МГИМО.

Все развивается, меняется формат исследований, меняется формат экспертизы – это неизбежно. Тем не менее задача крупных исследовательских организаций в нынешнем море оценок, мнений, – держать марку высокопрофессионального «мозгового центра». Несмотря на то что схожие процессы происходят и в США, и в Европе, все знают цену Институту Брукинса, Центру стратегических международных исследований, центрам Университета Джонса Гопкинса. В профессиональном сообществе понимают: то, что делают они, – это другой, более высокий уровень аналитики и экспертной оценки.

Жизнь в целом изменилась, изменилось экспертное поле, и оно будет таким, какое оно есть, и каждый будет выбирать для се-

бя тот уровень и ту нишу, которая ему подходит. Тем не менее меня иногда расстраивает, когда читаю работы некоторых аспирантов, которые защитились за последнее десятилетие, что, к сожалению, они не пошли по пути наращивания качества экспертных оценок по США, и иногда их работы носят поверхностный, залихватский характер. Между тем журналы и интернет-сайты привлекают множество читателей, их читают студенты, и мы видим иногда в курсовых и дипломных работах результат чтения отдельных таких публикаций.

Зато рядом с нами существуют и другие образцы – Андрей Байков, Андрей Сушенцов, Игорь Истомин, Федор Войтоловский, Эдуард Соловьев, Владимир Шаповалов, Денис Темников, Алексей Фененко и др. Немало последователей школы Марка Арсеньевича Хрусталева, Алексея Демосфеновича Богатунова из числа выпускников МГИМО, да и других вузов, авторитетные специалисты-международники, работающие в МИД России и других правительственных учреждениях. Они производят продукцию высокой пробы, когда независимо от того, согласен ты с их оценкой или нет, видишь, что она выполнена на профессиональном уровне, и ты можешь ее учесть и ориентироваться на нее. Либо пойти по пути развития этой идеи, либо пойти в сторону ее критики, разрабатывая собственную концепцию.

М.П. Татьяна Алексеевна, в середине 2000-х годов Вы перешли из Академии наук в МГИМО. С чем был связан переход в университетскую среду? Насколько она отличается от обстановки в Академии? Что было самым трудным, когда вы начинали работать в университете?

Т.Ш. Наступает такой момент, когда хочется более широкой аудитории, есть что рассказать. Все-таки институт был кулуарным мозговым центром. Он был очень закрытым. Я практически каждый год к тому времени ездила в Соединенные Штаты, жила там год, полгода, многое уже знала не только из книг. Этот опыт хотелось воплотить в жизнь, рассказать и все накопленное

обобщить. Важную роль сыграл Алексей Демосфенович Богатунов, который решил создать в МГИМО Кафедру прикладного анализа международных проблем. Он пригласил меня, чтобы привнести новую струю в американистику. Мне это показалось интересным.

До этого я уже сотрудничала с МГИМО, с Андреем Юрьевичем Мельвилем. Мы начали вместе делать хрестоматию по внешней политике и безопасности России, сначала на русском, а потом на английском языке. Нам очень помог Анатолий Васильевич Торкунов, который поддерживал эту работу. Я должна обязательно отметить колоссальную помощь, которая была оказана директором библиотеки Университета Марией Вадимовной Решетниковой, ее коллегами. Мы перелопатили все журналы, все статьи. Это была колоссальная работа. Был 2002 год, а начали мы еще раньше, в 2001-м, наверное. В ходе работы над хрестоматией я познакомилась с сотрудниками МГИМО, увидела атмосферу, очень дружескую. Когда непосредственно встал вопрос о том, чтобы мне сюда прийти и преподавать, я с удовольствием это сделала.

Самым трудным было написать программу курса. Ранее я преподавала на факультете мировой политики ГУГН РАН, который был открыт при Институте США и Канады, и в РГГУ. Но у меня не было курсов, аналогичных тем, которые мне поручил подготовить Алексей Демосфенович Богатунов: «Великие державы в современном мире» и «Региональные подсистемы в международных отношениях». Для меня они были абсолютно новыми. Я все лето писала эти программы. Накануне 1 сентября 2006 года на первом заседании Кафедры, на котором я присутствовала, их разбирали. Я запомнила Ирину Вячеславовну Болгову и Марка Алексеевича Хрусталева, которые, скрупулезно изучив мои тексты, высказали все замечания и пожелания, как их надо доработать, чего в них не хватает и что в них не совсем верно. Это было серьезное испытание. Я очень расстроилась. Потом я расстроилась во второй раз в клас-

се, когда начала преподавать то, что написала, и увидела, что получается совсем не так, как в программе, и мне глубоко надо над этим поработать.

Я поняла, что мне предстоит нелегкая жизнь в преподавании этих курсов. Это был самый тяжелый год, самый тяжелый семестр, когда мне нужно было, как говорится, *ad hoc* ориентироваться на каждой лекции, менять программу, менять литературу, менять все и идти по этому курсу. Впоследствии, на протяжении почти 10 лет, я постоянно меняла программу предмета. Из двух дисциплин сейчас получилась одна: «Великие державы и региональные подсистемы». Если сравнить ее с тем, что было в начале, это земля и небо, потому что она все время находилась в творческой переработке.

Сейчас все тоже нелегко, но проще. Потом, когда мы пригласили замечательного американиста Эдуарда Яковлевича Баталова (он вернулся в МГИМО преподавать спустя многие годы), с ним сошлась во мнении, что студенческая аудитория – это источник новых идей и новых стимулов. В разговоре, во время лекции, на семинаре, в письменных работах, на экзамене они все время дают тебе новую информацию, оценки, взгляды, и ты все время сверяешь свои. Студенты иногда подбрасывают интересные идеи для публикации. Эксперту-международнику необходима эта постоянная обратная связь, когда ты корректируешь свои взгляды и то, что ты пишешь и говоришь, в соответствии с тем, что думает молодежь. Ты сам молодеешь, поскольку за ними будущее, можешь оценить насколько верно и насколько ты отражаешь действительность и насколько это совпадает с тем, как они ее видят.

В то же время у преподавания есть и обратная сторона – совершенно не остается времени на аналитику. Например, многие американские специалисты, работающие в Институте Брукингса, совсем не преподают. Они сидят и занимаются только научно-исследовательской работой. Мало времени. С одной стороны, очень богатая среда, которая тебя питает, а с другой – не-

хватка времени, когда тебе некогда сесть, подумать, собрать все мысли и изложить их на бумаге. Остается только лето, зимние каникулы и праздники. Это, конечно, серьезная проблема, но, тем не менее, мы справляемся. Несмотря на все сложности, Кафедра прикладного анализа сумела выпустить множество публикаций – 15 учебников, 25 крупных монографий только с 2006 года. Я открываю публикации свои и коллег, и мне не стыдно ни за одну из них. Все, что написано, не устарело, оно сохраняет свою научную значимость, а это означает, и что мы на верном пути. А с нехваткой времени придется жить и дальше.

М.П. С Вашим приходом в МГИМО появилась дисциплина «Великие державы в современном мире». Чем было обусловлено создание этого курса? Существует точка зрения, что мир стал плоским, а понятие «великой державы» – анахронизм. В какой степени, по Вашему мнению, в международной системе сохраняется дифференциация государств, а в какой или в чем она меняется?

Т.Ш. Мы возвращаемся в 2006 год. Эту идею мне дал А.Д. Богатуров. Когда я начала читать эти курсы, многие коллеги и в МГИМО, и за пределами Университета подтрунивали – у них вызывало вопросы само название курсов и почему вдруг они появились. У меня вопросы такого порядка не возникли: уже в 1996 году, когда я встречалась в Вашингтоне с известным (даже выдающимся) американским ученым, профессором Джей Дэвидом Сингером, он подсказал мне идею продолжать сравнительные исследования ведущих мировых держав.

Моя докторская диссертация и книга 2002 г. «Россия и США в новом мировом порядке» «выросли» из этого разговора. Родилась в беседе с ним и тема исследования, которое поддержал Андрей Вадимович Кортунов, в то время президент Московского общественного научного фонда (МОНФ). При поддержке МОНФ были изданы и первая хрестоматия «Внешняя политика и безопасность современной России» (1999), и моя монография 2002 го-

да. До этого, в 1997 году, у меня вышла книга, тоже с легкой руки А.В. Кортунова, «Российская внешнеполитическая мысль в поисках национальной стратегии». Ее идея тоже была подсказана Дж.Дэвидом Сингером. Мы говорили, что нужно изучать взгляды представителей политико-академического сообщества на международные процессы, сравнивать их, анализировать — это будет оставаться необходимым и востребованным.

Если брать середину 1990-х годов, мы помним, какие в то время были публикации. Многие начали писать об уходе великих держав, о «плоских мирах», о «глобальной деревне». Я с этим никогда не соглашалась. Идеи «плоского мира», «глобальной деревни» мне кажутся абсолютно неверными. От них, кстати, сейчас и отказались. Сегодня практически никто не употребляет этих терминов. Постепенно, по мере того, как нарастала мощь Соединенных Штатов, с возвращением во российскую внешнюю политику Евгения Максимовича Примакова и подъемом Китая, было уже очевидно, что начинают «прорастать» новые центры силы. Еще в 1996 г. Самуэль Хантингтон описал США как «одинокую сверхдержаву». Он отмечал, что хотя Америка и обладает беспрецедентной мощью, она не может одна решить все глобальные проблемы, поэтому должна будет обязательно сотрудничать с другими крупными игроками. В их числе он назвал и Россию, и Китай, и Иран, он тогда называл и Индонезию. Другими словами, уже в 1990-х годах были люди, которые понимали, что как бы мы ни хотели, как бы мы ни хоронили реализм, роль ведущих мировых держав сохраняется. Пока не получается вершить мировую политику только силами негосударств. Роль негосударственных игроков растет, но пока она не становится ни решающей, ни определяющей. Она лишь дополняющая.

Постепенно атмосфера в профессиональном сообществе стала меняться. Алексей Демосфенович Богатуров уже 1992–1993-х годах и позднее, когда он работал приглашенным исследователем в Инсти-

туте Брукингса, был профессором Колумбийском и Принстонском университетах, предрешал эти изменения. А аналитик, профессионал высокого класса, это тот, кто предчувствует, когда еще никто об этом не говорит, в какую сторону разворачивается международная система. Я думаю, что и американские коллеги, и А.Д. Богатуров прочувствовали, что начинается обратная тенденция к возрастанию роли ведущих держав.

Жизнь нас вывела к тому, что мы имеем полицентричность — несколько крупных держав, без которых мы не можем решить многих вопросов. Ни проблему экологии, ни проблему эпидемии, ни проблемы беженцев, ни проблему терроризма, ни экономических вопросов, ни финансовых, потому что все стоит на этих столпах. Даже транснациональные корпорации, которые играют колоссальную роль, все равно тесно связаны с конкретными государствами. Пока четко отделить политику одного от другого мы не можем. Мне кажется, что сейчас новый ренессанс реализма. Поскольку я член Ассоциации международных исследований с 1992-го года, то я езжу туда каждый год и встречалась со многими крупными учеными (Кристофер Лэйн, Джон Миршаймер, Уильям Уолфорд — высочайшие для меня авторитеты). Все они разделяют важность изучения отношений между ведущими государствами. Томас Волджи, который был Исполнительным директором Ассоциации международных исследований, приезжал к нам в МГИМО с лекцией, в которой он с использованием количественных методов обосновал, какие государства относятся к числу ведущих мировых держав. Россия вошла в их число, а Бразилия, Индия вызывали у него сомнения. Тем не менее мы в большинстве своем сходимся в оценках относительно группы ведущих держав — не только российские и американские исследователи, но и бразильские, индийские, китайские. Мы выделяем крупных игроков не потому, что нам этого хочется, а потому что нас к этому подвела реальная политика.

А.Д. Богатуров очень верно почувствовал одновременно со своими коллегами в Колумбийском университете, такими, как Роберт Легвольд, что эту тему нужно разрабатывать, что нельзя уходить только в сторону негосударственных игроков. Сейчас, когда ребята во время лекций и семинаров начинают разбирать отдельные державы, их состояние, их характеристики, их политику, вырисовывается очень интересная картина. Такой подход имеет право на существование, он был верно угадан, и у МГИМО, наверное, в этом преимущество, что у нас есть комплексные курсы, где мы даем студентам макровзгляд на мировую политику и на отдельную державу в этом сложном мире.

М.П. В 2006 г. Вы пришли в МГИМО, и это было как раз время, когда создавалась Кафедра ПАМП. Мы разговариваем с Вами спустя десятилетие. Расскажите, как формировалась кафедра, как она работала в ранние годы, как менялась?

Т.Ш. Кафедру создавали два человека – А.Д. Богатуров и М.А. Хрусталева – два крупнейших специалиста, каждый в своей области. Алексей Демосфенович – в области международных отношений, Марк Арсеньевич в области прикладного, ситуационного анализа. Я понимала задачу так – была востребованность МИД, внешней политики России в высококвалифицированных аналитиках-международниках. Потребность в специалистах, которые через 5-6 лет могли бы на хорошем уровне анализировать и разрабатывать любую ситуацию, любое событие и давать прогнозы. Прогнозировать, что может произойти и, соответственно, рекомендовать, как и что нужно делать. Нужно было соединить знания по международным отношениям в новом мирополитическом ракурсе с теорией и практикой прикладного анализа.

В результате кафедра выстраивалась из двух составляющих. А.Д. Богатуров предложил для разработки такие темы, как «Мегатренды современного мирового развития», «Россия в глобальной политике», «Великие державы и региональные под-

системы». Это можно назвать комплексным макроподходом, который смотрит на международные проблемы сверху. Марк Арсеньевич принес с собой весь свой опыт, как проводить анализ, что делать, как это все организовать. На этой основе появился курс «Анализ международных ситуаций: теория и практика». Он предполагал обучение по подготовке сценарных разработок.

Мы с ним сели вдвоем и прописали, как мы будем со студентами работать по сценариям. Мы делили их на экспертов. Они писали сценарий по заданной проблематике. Мы вручную, по группам, разбирали каждый сценарий. Группы были небольшими – по 10–15 человек, и каждый выходил на трибуну и докладывал свой сценарий, выслушивал критику, и мы все это на пальцах прорабатывали. Сейчас это продолжается. Мы пишем аналитические справки, сценарные разработки ведутся. Первому поколению было очень нелегко, но они писали шикарные сценарии: урегулирование израильско-палестинского конфликта, например, нереальные совершенно, но очень красивые. Сейчас они пишут по сирийской ситуации. Какие конфликты возникали и были особенно важны для мировой политики и политики отдельных стран (прежде всего, России) в тот или иной учебный год, такие темы мы и выбирали для подготовки сценариев. Это был магистерский уровень.

Потом был разработан уже курс для бакалаврского уровня. Им еще труднее работать, но все равно удастся. И третье, что мы организовали – конкурсы аналитических работ студентов. Естественно, что у кого-то получится лучше, кто-то хуже. Это нормально, потому что хорошим аналитиком может быть не каждый. Те, кто уже работает в посольствах, говорят, что полученные навыки и знания им очень помогли, им легко писать любые обзоры, аналитические справки для посла, для аппарата посольства. Они умеют это делать и делают хорошо.

Те, кто уходит в бизнес-структуры, рассказывают, что сейчас главная проблема

в компаниях – нехватка квалифицированных аналитиков, нет глобального взгляда, интегрированного подхода к осмыслению ситуаций на мировых рынках. Не все могут осуществить либо компаративный анализ, либо глобальный – срез мирового или регионального рынка. Специалисты очень нужны, поэтому наша задача – учить.

Многие наши студенты, когда они попадают в какие-то структуры, если они хорошо учились и действительно работали над своими аналитическими работами, таких трудностей не испытывают. Мы им облегчаем жизнь. Наши курсы иногда вызывают критику за то, что они трудны. Некоторые задаются вопросом: «зачем это нужно?» Я могу сравнить со своим опытом. То, на что у меня ушло почти 10 лет, мы сейчас даем студенту в течение 6 (бакалавриат и магистратура) – в 2 раза меньше.

Можно прибавить еще аспирантуру, тогда будет 9 лет, но я бы сказала, что аспирант – это уже подготовленный аналитик. Те, кто пришел к нам писать диссертацию, уже после магистратуры встали на трек преподавания и аналитики. Андрей Байков, Ирина Болгова, Андрей Сушенцов стали сразу помогать по курсу «Мегатренды и современные глобальные проблемы» – это очень тяжелый предмет. Игорь Истомин тут же смог включиться в реализацию дисциплин М.А. Хрусталева. На курсе «Великие державы и региональные подсистемы в мировой политике» работали аспиранты Алексей Дундич, Игорь Истомин, Елена Ямбуренко, Александр Стихин. Они смогли сразу встать на трек и пойти по нему без сбоев, без снижения уровня преподавания. Вот что такое 6 лет подготовки по той кафедральной базе, которая была заложена Хрусталевым и Богатуровым. В настоящее время я насчитала 34 курса на русском языке и 11 курсов на английском языке, которые реализуются преподавателями Кафедры. Преподают молодежь, многие наши выпускники. Это говорит о том, что все, чему мы их научили, позволило им хорошо работать. Не говоря о том, что все мои аспиранты работают в дипломатических представительства

в Монреале, в Брюсселе, в США, в наших министерствах, в том числе на руководящих позициях.

М.П. При создании Кафедры ставилась задача сохранения научной школы прикладного анализа. Как Вы думаете, в какой степени эта цель достигнута? И что Вы считаете основными достижениями работы Кафедры в последнее десятилетие?

Т.Ш. Основное достижение действительно в том, что мы сохранили школу прикладного международно-политического анализа. У нас уже, во-первых, разработан целый корпус курсов для подготовки специалистов. Он отработан, я назвала его четырьмя уровнями подготовки. Таким образом, мы сохранили наследие М.А. Хрусталева. Помимо того, что при жизни были изданы его труды, его ученики в 2015 г. подготовили переиздание его книги, адаптированное к современному положению. По этим учебникам продолжают учиться не только поколения студентов МГИМО. Я знаю, что во всех региональных вузах с очень большим пиететом относятся к трудам М.А. Хрусталева, читают их и по ним работают. Второе достижение – у него появились последователи, его ученики сохранили и продолжают развивать его подходы и методики.

Третье достижение я вижу в том, что мы внедрили выработанную методологию в практику. В 2008 г. был инициирован совместный проект Совета Безопасности России и Кафедры по проведению ситуационного анализа. Во главе его стояли Евгений Григорьевич Никитенко (в то время начальник управления Аппарата Совбеза), М.А. Хрусталева, А.Д. Богатуров. Ситуационный анализ предложенных кейсов выполняли молодые кадры, аспиранты. Когда было проведено выездное заседание Научного совета Совета безопасности в МГИМО, его участники дали очень высокую оценку проведенным исследованиям. Ректор МГИМО А.В. Торкунов получил благодарственное письмо, в котором отмечалась колоссальная работа и высокий уровень задействованных сотрудников.

Отталкиваясь от этого опыта сотрудничества, Кафедра практически на ежегодной основе начала выпускать тематические сборники ситуационных анализов. В 2016 г. должен выйти уже пятый выпуск, посвященный международным институтам в современной мировой политике. Считаю, что это тоже достижение – есть серийность, есть последовательность, мы не прерываем сформировавшейся традиции. При этом в ситуационных анализах продолжают участвовать представители других вузов и академических институтов. Е.Г. Никитенко по-прежнему вносит неоценимый вклад в эту работу.

Еще одно достижение – множество научных и учебных трудов. Если бы концепция Кафедры не была подкреплена учебно-методической и научной базой, нам наверное трудно было бы говорить, что мы чего-то добились. Мы создали фундамент – это

более 25 книг, 15 учебников, на которых мы уже стоим твердо и движемся дальше.

Несмотря на все трудности (ушел из жизни М.А. Хрусталева, вынужден был оставить преподавание А.Б. Богатуров), Кафедра справляется со всеми поставленными задачами. Я сравниваю сегодняшнее положение с традицией, которую заложили в моей молодости Г.А. Арбатов, Э.А. Иванян, Ю.А. Замошкин, Г.А. Трофименко и др., как и тогда – кафедра, это не только административная ячейка, но еще и семья, где мы живем общими проблемами, помогаем друг другу, создаем атмосферу дружественную, открытую, чтобы нам легче было работать. Мне кажется, что кафедра сохранила этот дух коллегиальности. Для меня это главное.

М.П. Татьяна Алексеевна, спасибо за внимание к читателям нашего журнала!